

УДК 821.111(73)+821.161.1

UDC 821.111(73)+821.161.1

ШАРАВИН А.В.

доктор филологических наук, профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет им. ак. И. Г. Петровского
E-mail: ekl1ier@mail.ru

РЕЗАКОВ Я.О.

соискатель ученой степени кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций, Брянский государственный университет им. ак. И. Г. Петровского
E-mail: ric.darko@mail.ru

SHARAVIN A.V.

Doctor of Philology, Professor of Russian, Foreign Literature and Mass Communication Department, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky
E-mail: ekl1ier@mail.ru

REZAKOV YA.O.

Postgraduate Student Russian, Foreign Literature and Mass Communication Department, Bryansk State University Academician I. G. Petrovsky
E-mail: ric.darko@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «ВОЛЯ-СВОБОДА» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖ. СЭЛИНДЖЕРА, В. АКСЕНОВА И С. ДОВЛАТОВА

THE NATIONAL ASPECT OF THE CONCEPT OF "WILL-FREEDOM" IN ARTISTIC PHILOSOPHY IN THE WORKS OF J. SALINGER, V. AKSENOV AND S. DOVLATOV

В статье обосновываются особенности художественного воплощения концепта «воля – свобода» в прозе Дж. Сэлинджера, В. Аксенова и С. Довлатова. На примере романа, повестей и рассказов Дж. Сэлинджера, В. Аксенова и С. Довлатова определена роль художественного осмысления концепта «воля-свобода» как ментального образования, выступающего в качестве зоны взаимодействия американской и русской литератур. Обозначены национальные особенности восприятия категорий «воля» и «свобода» в творческом диалоге обозначенных писателей.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-312-90029.

Ключевые слова: воля, свобода, Дж. Сэлинджер, С. Довлатов, В. Аксенов, национальные литературы, диалог культур.

This article focuses on using of the concept of «will – freedom» in Salinger's, Aksenov's and Dovlatov's works. The author describes how this concept is realized as a mental construction which submits like as a contact point of American and Russian literatures. This allowed to define the characteristics of perception of the denominations «will» and «freedom» in the form of cross-cultural dialogue following context of national literatures.

The reported study was funded by RFBR, project number 19-312-90029.

Keywords: freedom, will, J. Salinger, V. Aksenov, S. Dovlatov, cross-cultural dialogue, national literatures.

На сегодняшний день взаимодействие национальных литератур является актуальным направлением исследований в литературоведении. В связи с этим определяется одно из ключевых ментальных образований – концепт «воля-свобода», выступающий в качестве точки контакта, способствующей осознанию и пониманию инациональных миров.

Дихотомия «воля-свобода» традиционно рассматривается как один из категорических императивов этики И. Канта, представляющих собой общезначимые нравственные предписания, обладающие силой безусловного морального принципа для регламентации человеческого поведения. Нравственность поступков человека исходит из принципа воли – морального закона, не зависящего от практических целей или чувственного опыта индивида. В свою очередь, свобода (по Канту) – более практическая категория. От того, каким образом человек понимает свободу, зависит развитие его мироотношения и осознания смысла своей жизни

и доминирующих в ней ценностей. Свобода насковзь дуалистична и антиномична, внутренне противоречива и амбивалентна. Свобода всегда будет представляться человечеству такой универсалией, которая фиксирует возможность деятельности и поведения в условиях отсутствия внешнего целеполагания [13].

В культуре западных стран понятия «воли» и «свободы» практически не пересекаются друг с другом. В русской картине мира «воля» и «свобода» – это смежные понятия, находящиеся во взаимодействии, порождающем различные семантические категории, образующие национальную специфику концепта «воля-свобода». Поэтому, по мнению Н.Д. Арутюновой, при анализе художественных текстов целесообразно определить, каким образом разделяется семантическое пространство между «волей» и «свободой» в рамках обозначенного концепта [5, с. 81].

А.Г. Лисицын считает, что для упрощения деконструкции концепта «воля-свобода» можно обратиться

к различению в его структуре концепта-1 (воля) и концепта-2 (свобода) [14]. Семантическое пространство концепта-1 и концепта-2 соотносимо с ассоциативным методом Н.М. Петровых. Воля в русской культуре ассоциируется с полем, простором, раздольем, небом, полётом, ветром и светом, которые связаны с семьей «пространство». Концепт «свободы» русские люди ассоциируют с независимостью, деньгами, равенством, творчеством, демократией, братством и законом, объединённых семьей «права человека» [15, с. 210]. При этом А. Г. Лисицын отмечает, что понятийное ядро концепта «воля-свобода» в русской культуре носит патриархальный характер, тогда как на Западе императив «воли-свободы» имеет личностную природу: свобода человека опосредована приумножением его возможностей, умений и навыков, позволяющих ему осознать свою независимость в социуме [14, с. 11].

Исходя из вышеизложенного, в данной работе взаимодействие национальных литератур рассматривается в рамках определения смещения концепта-1 и концепта-2 в императиве «воля-свобода» на примере прозы писателей третьей волны эмиграции и произведениях американского классика Дж. Сэлинджера.

Распределение категорий «воли» и «свободы» в художественной философии авторов третьей волны эмиграции напрямую связано с периодом хрущевской «оттепели» 1960-х годов, предоставившей творческой интеллигенции беспрепятственно знакомиться с наследием американской литературы: произведениями Э. Хемингуэя, У. Фолкнера, Дж. Сэлинджера, Ш. Андерсона и других. Содержание этих книг привлекало советскую молодёжь своим лаконизмом и раскованностью поведения главных героев, что порождало у русских писателей желание подражать американскому стилю свободной жизни. Как отметили А. Генис и П. Вайль, в то время молодые люди верили в то, что если в России утопичная свобода отсутствует, то где-то на Западе она должна существовать [9]. Творчество авторов третьей волны эмиграции в отличие от писателей-эмигрантов первой и второй волн испытывало на себе влияние не только русской классики, но и западной литературы. Поэтому при рассмотрении императива «воля-свобода» в эмигрантской прозе третьей волны на ранних этапах наблюдается доминирование концепта «свободы», характерного для американской культуры.

Так, ранняя повесть писателя-эмигранта третьей волны В. Аксёнова «Звёздный билет» во многом перекликается со знаменитым романом Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Главный герой повести Аксёнова – семнадцатилетний Дмитрий Денисов поразительно схож с главным героем Сэлинджера шестнадцатилетним Холденом Колфилдом. Эти образованные молодые люди пытаются бунтовать против конформистских устоев либо советского государства, либо охваченной «лихорадкой» коммерциализации Америки. И у Холдена, и у Дмитрия есть старшие братья, с жизненной позицией которых они категорически не согласны. Несмотря на объединяющий героев свободный

нрав, каждый из них по-разному движется к своему пониманию свободы. В случае с Дмитрием, сбежавшим работать на Рижское взморье, концепт «свободы» преобразуется в концепт «воли», проявляющийся в осознании героем своей дальнейшей судьбы в условиях столкновения с морскими просторами, характеризующими сему «пространства» в императиве «воли». Концепт «воли», несмотря на попытки Аксёнова подражать отражению американской «свободы», в повести оформляется в её концовке – после известия о смерти своего брата Виктор Дмитрий решает продолжить его дело в науке и наследует его «звёздный билет». Ассоциируемый с небом, этот «билет» выступает в качестве одного из элементов культурно-исторического прогресса советского государства – начала покорения космических пространств, которые вызывают в героях веру в своё счастливое будущее. Дмитрий пойдёт по стопам Виктора, а его друзья будут реализовывать свои мечты. По мнению исследовательницы Л. Чжаоя, у Аксёнова дихотомия пропасти «звёзд и неба» несет в себе не только мечтательное начало, она еще может рассматриваться как один из значительных символов бытия. В тексте повести звёздное небо наделяется космологической природой, воплощающей круговорот жизненной красоты, реализуемый в смене звёздной ночи солнечным днём. В подобной трактовке аксёновский звёздный императив «воли» носит характер позитивного настроения писателя в отношении своего творчества, которым было проникнуто поколение писателей-шестидесятников. В свою очередь, сэлинджеровский Холден в своей фантазии о ловле детей над пропастью ржаного поля видит свое будущее предназначение, которое поможет ему справиться с тяготами «фальши и липы» взрослой жизни. Колфилд мечтает защищать неокрепшие детские умы от преждевременного взросления и сопутствующих ему обязательств, ограничивающих невинную «свободу» детства и юности. К таким выводам Холдена подталкивает младшая сестра Фиби, чей собирательный образ служит противовесом коммерциализированному американскому обществу. Любовь Холдена Колфилда к детям является одним из важнейших христианских чувств, отмеченных Иисусом [6, с. 78]. Спаситель проповедовал, что путь в Царство Небесное лежит через уподобление взрослых детям в постижении не омраченного ничем невинного смирения. Когда в конце романа Холден испытывает чувство невероятного счастья, от которого хочет плакать, видя Фиби, катающуюся на карусели, он уподобляется ей и принимает Христа в себе, что в будущем духовно освободит его и защитит его от негативных последствий взросления. Таким образом, Сэлинджер в своем произведении разрушает концепт «свободы» американской нации, основанный на сугубо коммерческих ценностях и императиве успеха в обществе среднего класса, и переводит проблему свободы личности в сферу духовного саморазвития, которая становится определяющим лейтмотивом в его творчестве и после романа «Над пропастью во ржи».

В середине 1960-х духовный подъём «оттепели»

сменился очередными гонениями творческой интеллигенции. Америка была вновь объявлена идеологическим врагом советской России. А. Мулярчик отмечает, что в советской литературе того периода западные страны – источники деструктивных ценностей, разлагающих идеалы СССР [9]. Так, в романах А. Крона и Ю. Бондарева, посвященных описанию жизни на Западе, подробно изображаются такие заведения, как публичные дома, наркопритоны и секс-шопы. Это делалось с целью более яркого изображения пороков «свободных» Америки и Западной Европы. Но при этом рассуждения героев Ю. Бондарева обобщены парадоксальной для советского общества идеей поразительного сходства российской и западной действительностей, в которых концепт «свободы» человека – мираж, тающий под суровыми жизненными обстоятельствами. Несмотря на идеологические различия, образ жизни, как в Москве, так и в Нью-Йорке подчинен «единому мировому стандарту» [10, с. 67]. Где бы люди ни жили, они все равно несвободны по тем или иным причинам. Обращаясь к работе А. Шаравина, посвященной русской городской прозе 1960-1990-х годов, мы обнаруживаем, что герои А. Битова и Ю. Трифонова аналогичным образом разделяют настроения человеческой «несвободы» [20].

Лишь в 1976 году во время короткой разрядки напряженных отношений между СССР и США В. Аксенов в очерке «Круглые сутки нон-стоп» представляет положительную точку зрения об американском образе жизни с позиции случайного туриста. Описывая особенности жизни в таких американских городах, как Лос-Анджелес, Нью-Йорк и Сан-Франциско, автор восхищается «свободолюбивым пионерским духом» американцев, которые могут позволить себе практически все. Аксенов знакомит читателей с неведомыми советскому человеку рекламой, супермаркетами, гамбургерами, паркингом, кампусом и признается в своей приверженности к американской литературе. Императив «свободы» в «Круглых сутках нон-стоп» сводится к мифу о знаменитой «американской мечте», гласящей, что любой человек в данной стране может прийти к своей заветной мечте и не ограничивать себя идеологическими запретами. Советские критики решили оставить аксеновскую «хвалебную оду» Америке без внимания, чтобы не заострять внимание рядовых советских граждан на материале, показывающем идеологического врага с положительной стороны [4].

Во второй половине 1970-х годов многие русские писатели вынуждено эмигрировали США и уже в качестве новоиспеченных американцев оценивали прелести американской «свободы». Авторы, пережившие тяготы эмигрантского существования, начинают объективно оценивать американскую действительность, которая во многих отношениях мало чем отличалась от советской действительности.

Императив «свободы» в мифе об американской мечте развенчивается в постэмигрантском романе В. Аксенова «Бумажный пейзаж». Писатель обозначает идею расхождения между его первыми впечатлениями

о США, романтически описанными в сборнике очерков «Круглые сутки нон-стоп», и реалиями жизни советского эмигранта, осознающего, что по некоторым критериям «свободная» Америка равносильна «несвободному» СССР. Особое внимание Аксенов уделяет бюрократическому аппарату Штатов, который в разы требовательнее, чем аналогичные государственные учреждения в советской России. Главный герой романа Игорь Велосипедов книги помимо четырёх сфер общественной жизни (экономическая, политическая, социальная и духовная) выделяет ещё и «бумажную» сферу. В. Аксенов подводит читателя к мысли о том, что для писателя-эмигранта свобода творчества в Америке обернется ежедневной борьбой с бесконечной сетью «бумажных» структур [1].

«Бумажную» пропасть Аксёнов преодолевает в повести «В поисках грустного бэби», где он наводит межкультурный «мост» через «пропасть» между Америкой и Россией, делая основательную культурологическую художественную систематизацию инонациональных стереотипов, где часто подчеркивает их несостоятельность. Более того, писатель подчеркивает, исходя из своей преподавательской практики в ряде американских ВУЗов, что американским учёным-славистам русская литература интересна не как инструмент идеологической борьбы, а является трепетным объектом изучения «широкой русской души» (вариация концепта «воли») в целях включения русской художественной литературы в общенациональную картину мира. Трепетно восторгаясь любимыми американскими классиками, прежде всего, Э. Хэмингуэем, Д. Стейнбеком и У. Фолкнером, Аксенов с грустью отходит от концепта «свободы» и отмечает свою незаинтересованность в «современной американской литературе», подчиненной законам коммерции. Автор обнаруживает отрицательной стороны американской мечты: огромные налоговые и банковские платежи, «наплевизм», «обезличка» человека, «халтура» в творчестве, а также «другие гадости», характерные и для России: ханжество, невежество и антисемитизм [2].

Разоблачение мифа об «американской мечте» продолжилось в сборнике эссе А. Гениса и П. Вайля «Потерянный рай. Эмиграция: попытки автопортрета», где реальная Америка отделяется от наивных представлений писателей-эмигрантов о «свободной» Америке. Вайль и Генис приходят к следующему выводу: российские авторы не «приобрели американской ментальности вместе с американским паспортом» [10, с. 92]. Их жизнь в США протекала по сценарию, «вывезенному из России». Концепт «свободы», отождествляемый русскими писателями в 60-х годах со счастливой жизнью в Америке, стал «историческим заблуждением».

Достаточно трудно далась жизнь в Америке С. Довлатову, писательская карьера которого официально началась уже после эмиграции. Несмотря на то, что произведения Довлатова достаточно быстро попали на страницы престижного американского журнала «Нью-Йоркер», он регулярно испытывал денежные затруднения и боролся за выживание. В своем выступлении «Как

издаваться на Западе» Довлатов отмечает, что в городе Нью-Йорке не чувствуешь себя «чужестранцем», но и «своим» тоже не становишься. В повести «Марш одиноких» писатель соглашается с отсутствием «земного рая» в США, о котором ранее высказывались Генис и Вайль [11]. Данная мысль продолжена Довлатовым в повести «Филиал», в которой он приходит к следующему убеждению: действительность абсурдна как в Америке, так и в России [12]. Несмотря на обретенную писателями-эмигрантами творческую свободу в США, они неспособны обеспечить себе жизнь лишь литературной работой. Довлатов отмечает, что в Америке (в отличие от России) «литература не является престижной профессиональной областью» и «рядового автора прокормить не может». Кроме того, Довлатов регулярно ностальгировал о России и желал знать реакцию на свои работы от русского читателя. Подобное испытывали во время своих отлучек за границу и Гоголь, и Герцен, и Тургенев. В этом случае концепт «свободы» терял свое значение, так как русские авторы теряли связь с исконно русской «волей», которую с ними могли разделить лишь их земляки.

Единственным писателем-эмигрантом третьей волны, которому удается отойти в своих произведениях от идеологических сравнений советской и американской «свобод», является С. Соколов. В его романе «Палисандрия» всецело реализуется концепт русской «воли», проявляющийся в осмыслении советской истории в традициях постмодернизма. Своеобразному окарикатуриванию в «Палисандрии» подвергаются реальные деятели государства и культуры [17]. Так, «Андропов» носит чин генерал-генерала, «Высоцкий» зарекомендован в качестве искусного шарманщика, скульптор «Вутечич» изготавливает восковые фигуры кремлевских вождей; «Берия», «дедоватый» дядя Палисандра, повесился на стрелках курантов и т.д. Подобные стилистические «изыски» Соколова могут шокировать читателя. Но писателю удается продемонстрировать гибкость бытия и подчиненности известных исторических событий художественному замыслу. Концептуальность «Палисандрии» заключается не в определении четких сюжетных линий, а в самом тексте, наполненном многогранными ассоциациями со всем опытом русской культуры. В предисловии к роману Вайль и Генис отмечают, что Соколов «развлекается, испытывая историю СССР на поверку эстетическим критерием» [10, с. 103].

Дж. Сэлинджер является американским писателем, чье литературное наследие позволяет рассмотреть императивы «свободы» и «воли» на позициях, близких к произведениям русской классической литературы и эмигрантской прозы третьей волны. Во время одного из своих немногих интервью в женском колледже Сары Лоренс Сэлинджер открыто заявил, что в число его любимых авторов входят Л.Н. Толстой, А.П. Чехов и Ф.М. Достоевский, поставив их на первые места в своем перечне [16, с. 257].

Ранние рассказы Сэлинджера и его роман «Над пропастью во ржи»

по аналогии с эмигрантской прозой третьей волны были направлены на разрушение мифа о свободной «американской мечте». Каждое последующее произведение Сэлинджера было направлено на разоблачение назревшего духовного кризиса американской нации. С. Довлатов в своих «Записных книжках» отмечает Сэлинджера как автора, чья проза имеет духовные основания.

До выпуска романа «Над пропастью во ржи» Сэлинджер реализовывал итоги своих духовных исканий, черпаемых из произведений Ф. М. Достоевского, посредством актуализации в своих рассказах вопросов моральности, что воспринималась американской публикой как один из свежих взглядов на нравственное развитие отдельной личности.

Но уже в романе «Над пропастью во ржи» мы обнаруживаем, что шестнадцатилетний подросток Холден Колфилд мечется между верой и неверием в Бога и симпатизирует фигуре Иисуса Христа. А во время разговора с одним из своих приятелей герой мимоходом узнает о преимуществах восточной философии дзен-буддизма, которая удовлетворяет потребность Холдена не только в постижении «физических, но и духовных желаний» [19, с. 113]. Здесь скрывается увлеченность Сэлинджера погруженностью в постижение восточной його-медитации и католического мистицизма, истоки которой лежат в 1946 году, тогда как роман был выпущен в 1951. Предполагают, что именно идеи дзена помогли автору завершить роман, так как до этого у него получались лишь достойные, но короткие рассказы. Такая смешанность дзен-буддизма с христианством была возможна из-за приверженности Сэлинджера учению Веданты, в которой устанавливалось единство Создателя независимо от вероисповедания.

Согласно работе И. Галинской «Загадка Сэлинджера», следующий за романом труд – сборник «9 рассказов» построен по концепции методов традиционной индийской поэтики «дхвани-раса». Согласно этой теории, каждый человек, перед тем, как сформироваться в полноценную личность, проходит испытание 9 «расами» – поэтическими настроениями, в которых отражены его психические и эмоциональные особенности. Исходя из этого, этот сборник Сэлинджера рассматривается как единое произведение о переменчивой природе человеческого индивида, стремящегося к духовному совершенству. Сосредотачивая внимание на цветах и древнеиндийской символике, исследовательница доказывает состоятельность попытки писателя создать произведение, способствующее духовному возвышению читателя. Но, несмотря на явное влияние идей индийской и буддистской поэтики, система «9 рассказов» поддается интерпретации и с позиций мировых культурных универсалий этики морально-нравственных правил [7].

Свой переход от його-медитации к логос-медитации Сэлинджер обозначил дилогией повестей «Фрэнни и Зуи». В противостоянии сестры и брата Фрэнсис и Захарии Глассов лежит интеллектуальный спор об освоении духовной практики Иисусовой молитвы, ко-

торая заключается в непрерывном повторении конструкции «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Книга, побудившая Фрэнни произносить Иисусову молитву, – это сборник православных рассказов «Путь паломника» в переводе Р. Блайса. Из исследования Б. Фаликова «Духовные поиски Дж. Д. Сэлинджера» мы узнаем, в оригинале данная книга происходит от переработанного рассказа игумена Паисия из Черемисского монастыря Казанской епархии под названием «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу», датированного 19 веком. Это связано с тем, что на тот момент Сэлинджер, освоив методы восточной медитации, обнаружил, что Иисусова молитва, лежащая в основе древнеправославной Логос-медитации является одним из самых мощных «умно-сердечных» духовных деяний [6].

В повестях «Выше стропила, плотники» и «Симор: Введение» автор завершает процесс превращения писательской деятельности в духовную практику. Критикам все труднее становится понимать тексты Сэлинджера в рамках набирающей обороты коммерциализации художественной литературы, поэтому лишь единицы литературоведов обращаются к оригинальным произведениям древнеиндийской и дзен-буддистской поэзии для полного понимания повестей писателя. Название «Выше стропила, плотники» и одноименное поздравление Беатрис Гласс её брата Симора с женитьбой – не что иное, как отсылка к «Эпиталаме» древнегреческой поэтессы Сапфо: «Выше стропила, плотники! Входит жених, подобный Арею, выше самых высоких мужей!» В контексте древнеиндийского эпоса символика выражения раскладывается следующим образом: дом – это тело человека; стропила – его страсти; крыша – его незнание. Получается, чтобы достигнуть состояния блаженной нирваны, Симор нужно познать вершину страстей («Выше стропила») – брак, пройдя через стра-

дания которого, он закончит строительство дома своей души. Далее он должен решить – разрушить «крышу» и уйти в нирвану или же продолжить поддаваться страстям и страдать. Решение Симора известно по рассказу «Хорошо ловится рыбка-бананка» – после 5 лет несчастливого брака с Мюриэль он застрелится, выбрав уход в нирвану.

Повесть «Симор: Введение» является писательским манифестом Сэлинджера, который он пишет по канонам древнеиндийского поэтического шедевра Тулси Даса «Рамаяна». Данное положение предполагает многократное и очень подробное описание героя произведения с самых разных мировоззренческих позиций. Таким образом, в данной работе писатель Бадди Гласс описывает погибшего брата Симора как идеального советчика, духовного наставника, настоящего поэта и провидца, чья одухотворенность до сих пор пребывает с членами семьи Глассов. С таких же позиций Тулси Дас описывает и царевича Раму. В обоих случаях, по мнению А. Баранникова, «используемые поэтические средства выразительности виртуозны по своей многослойной варьированности и умножаемости». Для описания главного пророка своего творчества Сэлинджер, соглашаясь с опытом древнеиндийских авторов, использует более 130 страниц.

Исходя из представленного анализа духовных оснований прозы Дж. Сэлинджера, мы прослеживаем в художественной философии данного американского классика сбалансированный переход в императиве «воля-свобода» от распавшегося мифа «американской мечты» (концепта западной «свободы») до концепта «воли», представленного писательским осмыслением множественных религиозных учений, ведущих к духовному просветлению, что характерно для русской, а не американской культуры.

Библиографический список

1. Аксёнов В. Бумажный пейзаж. М.: Эксмо, 2012. 224 с.
2. Аксёнов В. В поисках грустного бэби. М.: Эксмо, 2009. 294 с.
3. Аксёнов В. Звездный билет. М.: Эксмо, 2008. 305 с.
4. Аксёнов В. Круглые сутки нон-стоп. М.: Эксмо, 2010. 165 с.
5. Арутюнова Н.Д. Воля и свобода / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. М.: Индрик, 2003. С. 73–99.
6. Бута Е.М. Сэлинджер. Дань жестокому богу. М.: Алгоритм, 2014. 240 с.
7. Галинская И.Л. Загадки известных книг. Тайнопись Сэлинджера. М.: АСТ, 2011. 345 с.
8. Генис А. Довлатов и окрестности. М.: Просвещение, 2005. 336 с.
9. Генис А., Вайль П. 60-е. Мир советского человека. М.: АСТ, 2016. 344 с.
10. Генис А., Вайль П. Русская кухня в эмиграции. М.: Эксмо, 2010. 305 с.
11. Довлатов С. Марш одиноких. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 145 с.
12. Довлатов С. Филиал. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 186 с.
13. Кант И. Критика практического разума СПб, 1995.
14. Лисицын А.Г. Анализ концепта «свобода – воля – вольность» в русском языке [Текст] : дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 259 с.
15. Петровых Н.М. Концепты воля и свобода в русском языковом сознании // Известия Уральского государственного университета. 2002. № 24. С. 207–217.
16. Славенски К. Дж. Д. Сэлинджер. Идя через рожь. М.: ЭКСМО, 2014. 504 с.
17. Соколов С. Палисандрия. СПб.: Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. 205 с.
18. Сэлинджер Дж. Девять рассказов. М.: Эксмо, 2014. 224 с.
19. Сэлинджер Дж. Повести. Рассказы. М.: АСТ, 2004. 340 с.
20. Шаравин А.В. Модификации жанра городского рассказа 60-90-х гг. // Вестник Брянского государственного университета. 2013. № 2. С. 256–265/

References

1. *Aksenov V.* Paper landscape. M.: Eksmo, 2012. 224 p.
 2. *Aksenov V.* In search of a sad baby. M.: Eksmo, 2009. 294 p.
 3. *Aksenov V.* Star ticket. M.: Eksmo, 2008. 305 p.
 4. *Aksenov V.* Round the clock non-stop. M.: Eksmo, 2010. 165 p.
 5. *Arutyunova N.D.* Will and freedom / ND Arutyunova // Logical analysis of language. M.: Indrik, 2003. Pp. 73–99.
 6. *Buta E.M.* Salinger. Tribute to a cruel God. M.: Algorithm, 2014. 240 p.
 7. *Galinskaya I.L.* Riddles of famous books. Salinger's cipher. M.: AST, 2011. 345 p.
 8. *Genis A.* Dovlatov and surroundings. M.: Education, 2005. 336 p.
 9. *Genis A., Weill P.* 60th. The world of the Soviet man. M.: AST, 2016. 344 p.
 10. *Genis A., Weill P.* Russian cuisine in emigration. M.: Eksmo, 2010. 305 p.
 11. *Dovlatov S.* March of the lonely. St. Petersburg: Publishing Group "Azbuka-classic", 2010. 145 p.
 12. *Dovlatov S.* Branch. St. Petersburg: Publishing Group "Azbuka-classic", 2010. 186 p.
 13. *Kant I.* Critique of Practical Reason, St. Petersburg, 1995
 14. *Lisitsyn A.G.* Analysis of the concept of "freedom – will – freedom" in the Russian language [Text]: dis. ... Cand. philol. Sciences. M., 1995. 259 p.
 15. *Petrovykh N.M.* Concepts of will and freedom in the Russian language consciousness // News of the Ural State University. 2002. No. 24. Pp. 207–217.
 16. *Slawenski C.J.* D.Salinger. Walking through the rye. M.: EKSMO, 2014 . 504 p.
 17. *Sokolov S.* Palisandria. SPb.: Publishing Group "Azbuka-classic", 2010. 205 p.
 18. *Salinger J.* Nine Stories. M.: Eksmo, 2014. 224 p.
 19. *Salinger J.* Stories. Stories. M.: AST, 2004 . 340 p.
 20. *Sharavin A.V.* Modifications of the urban story genre of the 60-90s. // Bulletin of the Bryansk State University. 2013. No. 2. Pp. 256–265.
-